Дервиш

Артём Белоглазов
Александр Шакилов

SHOUT
SHARE
IT

- Артём Белоглазов, Александр Шакилов
  -

Артём Белоглазов, Александр Шакилов

Дервиш

– Овцы подвержены странным заболеваниям, – вздохнул Рик. – Или, говоря иными словами, овцы подвержены многочисленным болезням, симптомы которых крайне схожи; животное попросту не может подняться, поэтому невозможно определить, насколько серьезно положение – вполне вероятно, что овца лишь подвернула ногу, как возможно и то, что животное прямо на ваших глазах умирает от столбняка. Моя овца как раз и погибла от столбняка.

Филип К. Дик. "Мечтают ли андроиды об электроовцах?"

Аким К-28 сидел, привалившись к облицованной термопластом стене, и глядел вверх, туда, где эстакады сороковой горизонтали вклинивались в мобиль-шоссе сорок один бис. Напротив – матовая поверхность, близняшка той, что упирается в нахребетник экзо, слева – тупик, исчёрканный граффити. Как двадцать восьмой оказался в этой пластиковой кишке? Вопрос терзал не хуже тупой изматывающей боли в ноге: резкий толчок, дрожь суставов, скрежет намертво сцепленных клыков-имплантов, желтоватых по последней "дикой" моде.

Отсекая вершины небоскрёбов, искрил фиолетовым логотип UniRob; на грани восприятия мерцало в завитушках гипнослоганов нечто едва различимое, кажется, Mod.

Игнорируя гипно – фильтр по умолчанию, – двадцать восьмой пялился в засвеченное рекламой "небо". Что я делаю здесь, в аппендиксе маркетов? – с отчаянием думал он. Что?!

На сорок первом, как и в начале любой десятки,

располагались: медкомплекс с изолятором для вирт-одержимых, франшиза полицейского участка и хозяйство рембригад.

Медкомплекс, пирамида ленивых копов, октаэдр ремпрофилактики и ТО. И муниципальные здания, неказистые, слепленные из песчаника и коралла. Аким, не выбирая, отправился бы в любое из них, даже в обезьянник к копам-нойиб. Куда угодно, лишь бы там имелся регенератор. Или аптечка с обезболивающим.

Неподалеку, экономя чужое время и кислород, регулировщик направлял людской конвейер, равнодушный ко всему, кроме директив начальства, целеустремленный, когда надо перевыполнить план на ноль три процента и апатичный вне офисов и нейроподключений. Взмах жезла, свисток, стоп машина, прыжок на месте, а вам направо. Если не туда и мимо, сменить полосу ой как непросто: топай до развилки. Вокруг столько маркетов, патинко и вирт-гаремов, что без регулировщика никак.

Подползти к тротуару Аким не пытался: затопчут, да и всё. Конвейер – штука глупая, смелет в муку и не поперхнется.

Какие же вы сволочи, думал Аким. И я, наверно, тоже.

За пятнадцать минут, проведенных у стены, он сорвал голос. Оказалось, ненавидеть людей легко.

А ты бы помог куску дефектной плоти, статус которого определяется быстрее, чем КЗ ошпарит мозги дроида? Теперь, когда инфопланта нет… Вон стоят, трое. Шакалы! Аким скривился и плюнул.

Два парня и девушка. Лицо красотки доступно похотливым взорам, голова не покрыта, лодыжки и плечи обнажены, в цепких пальцах бубен – костяной обруч обтянут истёртым джатексом. Парни молоды: бороды не отросли – куцые нити на подбородках и щеках. Тощие тела завёрнуты в кошмарные рубища из поливинилхлорида. Что-то напевая – слов не разобрать, – троица тыкала пальцами в двадцать восьмого.

Кто они? Чего хотят?!

– Что вам надо?! Что?!

Оборванцы танцевали под грюканье бубна.

– Помогите! Кто-нибудь!..

Ни намёка на сочувствие.

В однородной массе прохожих – креветочном пюре – мелькнул знакомый хиджаб, салатовый с золотой вышивкой-биосхемой. Из-под платка вывалилась кокетливая россыпь длинных, ниже поясницы, косичек, которые так приятно трогать, когда они ласкают плоский – ни грамма жира – живот, щекочут лицо и опадают на широкие мужские плечи.

– Малика! – просипел Аким, силясь подняться, и охнул от боли, простреливший ногу. Малика, подруга дней и ночей, первая и единственная, не обернулась. Могла себе позволить: не шестерёнка механизма с энным уровнем дублирования – руководитель лаборатории по исследованию реликтовых видов, начинающий теорпрограммист, красавица с рейтингом двадцать пять. Такие не оборачиваются на невнятный оклик из-за спины – предосудительно. И даже если бы взглянула украдкой – не заметила: трудно проникнуть за грань восприятия.

– Малика! Стой, я сказал!! Малика!..

Миг – и зелёный комби затерялся в толпе быстрее, чем исчезает моноцикл, стартующий на ста двадцати в час. Боль не отпускала, жевала голень острыми зубами, и двадцать восьмой не выдержал: завыл, скребя шероховатый пластик тротуара.

– Будьте вы прокляты! Прокляты! – Древнее, запрещенное ругательство. Никто не повернул головы.

Как двадцать восьмой попал сюда? зачем?! В памяти провал – шахтой по добыче магмы.

Восстановить стёртые файлы, резервная копия воспоминаний. …парковка.

Чёрная капля скарабея, служебного мобиля: серия К передвигается по гигаполису на бронированных модифах. … салон отказывается впустить хозяина. Банальный сбой системы. И боль. Резкая, из ниоткуда. Аким падает на пластик стоянки. Боль дёргает руку, впивается в колено, рвёт пах. Брызжет кровь, мешаясь с графитной смазкой. Сама по себе поднимается нога – нет контроля! – протискивается в возникшие из пустоты захваты. Перед широко раскрытыми светофильтрами двадцать восьмого материализуется скальпель, акулий резец в обрамлении титана. Скользит по щеке, упирается в кадык: дёргаться не надо, смертельно опасно и бесполезно. Пленник сглатывает слюну, молчит.

Скальпель впивается в плоть. Анестезии нет, рот непроизвольно раскрывается, исторгая вопль… …и темнота. Из темноты – лицо. Вот откуда боль, вот кто виновен. Резец не парит в мареве, срыгнутом эйр-системой, но прихвачен к фалангам агрессора.

Аким вглядывается в лик врага, собирая во рту слюну, чтобы хоть как-то отплатить за унижение и боль. Враг – молодой парень, из тех, кого учителя называют дервишами: чёрные круги под глазами, морщины на лбу как шрамы, губы – сплошная язва. Дервиш, иначе не скажешь. Безумец-невидимка, в недозволенных медитациях и молитвах обретший способность растворяться в пространстве и "сгущать" тело где и когда вздумается.

Аким вздрагивает: вот так встреча. Парень бросился в глаза на лекции в Университете Личности, где Аким преподавал основы индивидуальности и достиг немалого успеха, неутомимым трудом заслужив нынешнее положение. Аким – кандидат на получение научной степени, как минимум, престижной, как максимум, гарантирующей свободное оплодотворение. Малика днём и особенно ночью изо всех сил мечтает о том, как станет матерью и – сама! – воспитает детей. Подобные грёзы – явное отклонение от нормы, почти извращение. Но… подопытные крысы спариваются не только для удовольствия.

"Аким, – страстно шептала жена, ускоряя ритм, – ты хочешь продолжить род?!"

Боль – падальщица у трупа: грызет ногу, выискивая, чем бы насладиться, изгваздать острое рыльце. К-28 слабеет с каждой минутой.

– Помогите!..

Нет ответа.

Людской поток. Термопласт упирается в спину.

Разве Аким мог самостоятельно дойти сюда? Или доползти? Нет, конечно! – его бросили. Дервиш с дружком и эта, непокрытая, больше некому. Освежевали, будто овечью тушку, и оттащили к блочной развязке. Сцедили сквозь зубы шанс на спасение? – медики рядом, копы ещё ближе? Или возжелали усилить страдания жертвы, кинув вблизи тысяч людей?

Под хребтом эстакады завис полицейский сканер – обычный, диаметром с мяч для файтинга. Прошёлся над толпой, поведением напоминая ремонтный бот, привлеченный сигналом неисправного механизма.

В полис-пирамиде, где копы дуреют от безделья и отращивают бока, пожирая тонны кебабов, на "картинку" поглядывает оператор.

– Эй, – захрипел Аким, – я ранен…

Сканер приблизился – полосатый, сине-белый шар. Несколько секунд изучал скорчившегося двадцать восьмого, а затем – Аким мог поклясться! – пренебрежительно отвернулся и, взмыв над людским морем, застрекотал винтами по неотложным патрульным делам.

Роботом управлял планетарный Искин, в подчинении которого находились не только полицейские сканеры – вообще всё. И Хозяин Сущего отказал Акиму в праве называться человеком!

– Тварь! Отрыжка даджжала!! – выкрикнул Аким. Дико хотелось, чтобы неуничтожимый сканер взорвался, рассыпался

дождем осколков. Вспомнились истории об изгоях и не прошедших контрольную сверку. Двадцать восьмой пропускал глупые байки мимо ушных мембран, не желая верить в домыслы стрингеров. И вот тебе – вляпался. …полумрак парковки, в трещинах бетонных колонн – фосфоресцирующая плесень. И, как назло, никого поблизости. Двадцать восьмой тяжело дышал. Он не мог поверить в этот бред! Вспышка боли – запредельно яркий фейерверк в светофильтрах. Скальпель вонзился в голень. Не во сне, а наяву.

– Нет! Не на-а-а-адда!! – завопил Аким.

– Надо. Ещё как надо. – Грязные ногти вцепились в ногу, рывок – и дервиш сжимает окровавленный кусок плоти, инфодовесок, оплетенный трубками сосудов. – Тебе надо. Ты же плодотворно творческий.

– Я?!

– Ты. Конструктивно изменённый. Давай теперь, приспосабливай среду.

За спиной дервиша возникли две тени. Миг – и трансформировались в людей: скуластого парня и худенькую девушку. Улыбаясь, глядели на Акима.

– Помогите, – прошептал двадцать восьмой, вызвав хохот троицы.

– Обязательно поможем, не сомневайся.

Цепляясь нитью за колтуны волос, дервиш снял ожерелье. Аким моргнул, ещё раз, и ещё… Нет, зрение не обмануло: бусины – самые настоящие инфопланты! Десятка два, не меньше. Парочка детских личинок. Пяток стариковских куколок. Остальные – примерно одного размера и окраса.

– Нравится? – девушка заметила взгляд Акима.

– Нет! Нет!!

Дервиш расхохотался, ловко распаял оптоволокно, заострил скальпелем кончик и… …нанизал окровавленный инфоплант.

Очередной трофей пополнил коллекцию.

Двадцать восьмой потерял сознание.

Тогда.

Не сейчас.

"Процесс индивидуализации рассматривается как вторичный по отношению к социализации… рефлексивное обособление человеком своего "Я" от исполняемых им социальных ролей… в ситуациях общения… через культивирование способностей в актах деятельности…" Дервиш скакал у чёрного хитина скарабея, подволакивая ногу, пуская слюни и невпопад цитируя выжимки из лекций. Едва Аким лишился инфопланта, невидимка приобрёл

вполне конкретные очертания.

Без инфопланта Искин не мог транслировать единственно верную картинку. Взамен двадцать восьмой получил реальность, в которой существуют не только законопослушные граждане.

И бартер ему не понравился.

Воспоминания… …грязный оборванец, нелепый на фоне белых воротничков и строгих девичьих никабов. Чужак, как и студенты, законтачил ЦНС с университетской сетью, а значит, и с лобными долями Акима – дабы напрямую перенимать мудрость преподавателя, по традиции озвученную вслух. Надёжно пришабренный экзо позволял двигаться по аудитории без отрыва от сети, надзирая за юным поколением, буйным и шаловливым. Студенты обожают тискать студенток под партами. А ведь до совершеннолетия ни-ни, да и после – только вступив в законные отношения.

– На низшем уровне развития человек полностью подчинен внешним обстоятельствам… Для достаточного приспособления… соответственно склонностям, задаткам и способностям… Люди, занятые интенсивной творческой деятельностью, не ограничиваются приспособлением к среде, но стремятся к её конструктивному изменению… – вещал Аким. Рот открывался самостоятельно, режим "лекция": голосовые связки размеренно напрягаются, эйр-программа корректирует дыхание.

Сейчас программа сбоила: оборванец раздражал взор, ожерелье на шее вызывало муторные ассоциации. Но лекция закончилась, К-28 разорвал соединение, а парень… он просто исчез. Поразмыслив за чашечкой транка, Аким твёрдо решил: померещилось, мало ли.

И вот – неожиданная встреча.

Которую в здравом уме нельзя назвать приятной.

Изъяли инфоплант – зачем дервишам симбионт? зачем?! – и вышвырнули как использованную тарелку. Но всё-таки: не прикончили, не спихнули в пасть утилизатора – поднесли чуть ли не к "конвейеру". Уязвить или?..

Полицейский сканер… Без инфопланта Искин не идентифицировал Акима, а, значит, не присвоил гражданство, не наделил правами и обязанностями. Но медпомощь гарантирована всем без исключения! Даже распоследнему анархисту-растафарианцу, забредшему в Казанский Сектор.

Акима проигнорировали.

Давно, когда двадцать восьмого еще не вырастили, когда лунная Хиджра мирно уживалась с солнечной и гигаполис не укрылся силовым куполом, многие люди и кибо держали в

личных сотах домашних питомцев. Искин заботился о зверушках – упоминания можно найти в архивах. Но, похоже, забота была недостаточна: на планете не осталось ни кошек, ни собак, ни волнистых попугайчиков. Одни крысы. Хозяин Сущего боролся с грызунами – без особого успеха – и, признав геноцид нецелесообразным, взялся изучать неистребимых тварей. Малика, любимая жена, ставила опыты на зверьках.

Хуже полудохлого крысюка… Крыс хотя бы кормят, за ними ухаживают…

Аким неуклюже повернулся, и боль опять пронзила ногу. В голове плескалось мутное болото, вроде тех, что на белковой фабрике: в бетонный отстойник сливается некондиция, иногда вполне жизнеспособная, и всё это движется в белёсом бульоне, создаёт пищевые цепочки, а затем вычёрпывается и отправляется на вторичную переработку.

Хотелось пить. И чтоб тупой бессмертный Искин сломался, тогда "конвейер" наконец заметит Акима.

Двадцать восьмой злился: подтверждались слова Малики о реальности, в какой существует Искин – божественная разработка "Мацумото Моторс". Версия бытия возникла полгода назад, когда Малика неудачно пришвартовала одноразовый мобиль у скарабея Акима. Одноразка, прежде чем развалиться на запчасти и свернуться в компакт-заготовки, ощутимо ударила борт обтекателя. Аким, выпутавшись из компенсаторов, чуть было не наорал на подругу. Он точно раскрыл бы рот сверх меры, если бы Малика не заявила, что… А ведь она специализировалась на теорпрограммировании и по рейтингу почти догнала Акима. Человек! С фамилией! К-28 никого не считал второсортными, но фамильным порой завидовал. И гордился, что охмурил такую девушку.

Помогая любовнице выкарабкаться из паутинного кокона техбеза – даже сейчас эта вертихвостка кокетливо одергивала хиджаб! – Аким буркнул:

– Красивые радужки и обнажённые щиколотки! И права в кармане!

– Милый, тебе не кажется странным… – невпопад сказала Малика. Временами она погружалась в транс и не контролировала себя.

– Ну? – подхватив женщину на руки, двадцать восьмой зашагал от парковки к дому.

– Я кое-что смыслю в принципах разработки и-систем. – Глаза Малики закатились, на подбородке повисла ниточка слюны.

Акима мало интересовали основные принципы, да и побочные тоже. Хотелось устроить репетицию семейной склоки,

разрядив переполненный буфер негатива: наорать на подругу дешевле, чем посещать пси-релаксатор.

Но Малика, похоже, завелась. А ругаться с невестой, которая не слышит твоих претензий, – удовольствие сомнительное. Оставалось одно – слушать.

– Искин обитает в грезах и мечтах о несбыточном, – утверждала Малика. – Он строит внутреннюю реальность, которую соотносит с действительностью, на фундаментальных законах и логике связей, на предметах и свойствах. Беда в том, что наш Искин – третье поколение, и до него было еще два, созданных исключительно для того, чтоб вскарабкаться на следующую ступень. Милый, ты не представляешь, насколько криво выстроена его модель. – На мгновение очнувшись, Малика вытерла подбородок салфеткой. – Причем, заметь, она упрощена. Вместо плавной линии сложной функции – ломаная.

От вздёрнутого носика к уголкам губ обозначились складки.

– Люди – объекты сложные. А чем неоднозначней объект, тем скорее возникнет расхождение. Нужен признак, указывающий на человека. Общий знаменатель. Определитель человеческой сущности. Чтоб Искин случайно не использовал тебя как материал для постройки нового мобиль-шоссе. А наоборот – всячески заботился: делал то, что обычно делает, что мы привыкли не замечать и принимаем как должное…

Парковка осталась позади. Малика замолчала. Уже в лифте шумно выдохнула напрямую, как отрезала:

– Думаю, определяющим в модели человека служит наличие инфопланта. Модель разработал второй Искин. Третий развил концепцию.

Капсула лифта неслась с ускорением в три g; Аким молчал, переваривая сказанное. И открыл рот только у портала соты. Открыл, чтобы съязвить.

– Всё это безумно интересно. Но я так и не понял, зачем было калечить моего скарабея?!

Разговаривать на эдакие темы? Обсуждать Искина и дела Его? Нет уж, увольте. Лучше – и безопаснее! – поссориться с любимой. Малика, конечно же, обиделась и отменила все заказы в "Истребителе драконов": Аким на семьдесят два часа остался без обожаемых дим-сум и креветочной лапши.

Пребывая в мерзком расположении духа, К-28 не поленился проверить услышанное. О двух предыдущих Искинах сведений не нашлось. На запрос о возникновении инфоплантов архив выдал удручающе простую аксиому: инфопланты были всегда. Варьируя параметры поиска, удалось выудить нечто официально-документальное: мол, любой гражданин при достижении

годовалого возраста… – и так далее, известное всем и каждому. В целях улучшения и повышения. Ради грядущих поколений. Счастья для. Дабы в момент всеобщего процветания отвесить по потребности.

Аким задумался и кое-что приобрёл. Чуток доработал, перепрошил…

Теперь, валяясь у тротуара, Аким вынужден признать: любимая жёнушка права. Искин не классифицирует объект без инфопланта как человека. Не может и всё. Аксиома: человек = инфоплант. Иначе возникнет противоречие в модели.

Не-гражданин и не-человек… Животное? Нет. Куда сканер определил двадцать восьмого? Что ниже? Активная биомасса в отстойнике? Промышленный дренаж? Может, самоходная конструкция? Штурм-бот, начиненный противопехотными минами и снарядами с осколочным наполнителем?

От правильного ответа зависело всё. Правильный ответ диктовал и тактику, и стратегию борьбы. И не только за жизнь.

Мысль на границе сознания оформилась в вопрос: как отреагируют уборщики? Скоро конец второго цикла, работяги выползут за ворота рембригадных хозяйств и… что? Неужели модификаты воспримут двадцать восьмого как органическую слизь, подлежащую утилизации?! Или брезгливо обойдут стороной?

Проверять реакцию ассенизаторов не хотелось – превозмогая боль в развороченной ноге, Аким пополз к тротуару. Найти Малику… лаборатория где-то поблизости…

Родной человек увидит… – в ком? в чём?! – распознает Акима. Хотя бы по карим светофильтрам. Обязательно! Дайте красотке шанс, и она узнает мужа! Не может не узнать! Сердце подскажет. Волшебная сила любви!!

Как в штампованном вирт-мыле, столь презираемом двадцать восьмым.

Дервиши маячили поодаль, улыбались.

– Помогите, – Аким цеплялся за комби и ботинки прохожих. – Кто-нибудь… Пожалуйста…

Его отпихивали, делая это… непроизвольно. Незаметно для себя. Безусловный рефлекс. Как дыхание. Как умение глотать пищу.

Инфопланты уверяли правоверных, что едва различимая тень, мелькающая на грани восприятия, человеком не является. Инфопланты пытались взаимодействовать с напоминающей человека биоконструкцией, обменяться пакетами данных, нащупать хоть какой-то интерфейс и, когда ничего не получалось,

корректировали зрение, слух, обоняние и другие ощущения хозяев. Без информационной метки, без зарегистрированного кода личности нет и быть не может. Ее невозможно идентифицировать, установить статус и местонахождение. Не обнаружив удостоверения личности, инфопланты делали вывод: не-гражданин. Отсутствие коммуникационного интерфейса уточняло его до не-человек.

Вне координат гигаполиса.

Снаружи.

За скобками.

– Мне надо в медблок!

Дервиши улыбались.

Толстый и неуклюжий грузовой шмель заходил на посадку, облетая громаду UniRob. Под эстакадой кружил патрульный сканер. Тротуарный поток заметно редел: пора, время поджимает. Эй, кто зазевался? – электроразряд в пятки. Регулировщик усердно машет жезлом: давай, разбегайся кто куда, освобождай территорию. Улицам – уборка, вам – ежедневное ТО. Аким и сам пристегнулся бы к домашним или офисным нейроразъёмам – но, увы…

Неожиданно застопорились суставы – отказала гидравлика: Аким извивался на пластике проволокой-кусючкой. Сдохнуть, и конец мучениям? Троица безумцев отпоёт его под ритм бубна.

За тридцать пять лет эксплуатации К-28 впервые в Час Пересменки не прятался за бронеплитами и керамикой, будь то санузел в технотауне или палаты корпоративного ресепшена. Уважаемые, пардон, сегодня без Акима. Воссоединяйтесь с Искином, на четверть часа сплетаясь в многомиллиардное человекоцелое. Без меня.

Простейшее движение: вогнать нейроштекер в разъём у виска, стилизованный под бутон розы, оскал коростоеда или улыбку Джоконды. Попутно – релаксирующая ванна: рыбёшки-очистители крохотными зубками скусывают с дряблой кожи омертвевшие кусочки. Пятки потом гладкие и приятные на ощупь. Валяться и балдеть, загрузив вкусовушку "глоток охлаждённого мартини". И не думать о… нет, нет – исключительно о единении.

А если ТО застало на производстве, можно и метрику на болтах нарезать. Или вкручивать эти самые болты в термоядерные боеголовки для геройских космоэскадр. Запросто. Но зачем? Когда человечество целиком и полностью отдается светлому чувству?! Пятнадцать минут – законный перерыв.

Тротуар опустел: регулировщика нет, и троица куда-то пропала. Вот уж кого тяжело представить подрубленными к

общаку: глазёнки навыкате, спинки ровные, плечом к плечу с соседями. Двадцать восьмой не терпел профилактику на людях, предпочитая домашнее у-единение, чтоб только жена рядом и больше никого. Довольная Малика, умиротворённый Аким и бесконечность вселенной внахлёст…

Дефрагментация лобных долей.

Устранение ошибок.

Снижения уровня агрессии.

Если игнорировать ТО, ничего особенного не случится. Тебя не омоет парализующий дождик, сцеженный прорехой в куполе. Любимые рыбки не сдохнут в корчах от недостатка CO2 и рака второстепенной ауры. Рейтинг-счет не аннулируют без причины. Этого не будет. Просто выяснится, что твой личный код отсутствует в списке уважаемых граждан, жена изменяет с кошмарными вирт-зооморфами второй степени одержимости, а обожаемую креветочную лапшу доставляют холодной и лишь вежливо улыбаются в ответ на твоё безграничное возмущение.

Без ТО только дроиду везёт – раз в год. Фольклор гигаполиса. Остроумно подмечено: граждане – ещё те выдумщики.

Но граждан нет: настало время уборщиков.

Саунд зачистки территорий – мелодия специфическая, ни с чем не спутаешь. Прорезиненные траки, усиленные биоприсосками, чмокают по пластику тротуара. Аким видел уборщиков по визору, иногда – из окна офиса. Вблизи наблюдать не доводилось. Но всё когда-нибудь случается впервые.

Зрелище двадцать восьмому не понравилось. Да и как может впечатлить нечто, утюжащее тротуар кислотным раствором? Чудовище метровыми виброножами соскребало комки бетеля и кока-гама, всасывало мусор и дезодорировало воздух.

Приземистая тварь – конверсионный продукт, – если что, способная взвиться в стратосферу и погибнуть, отражая инопланетную агрессию. Или нет, лучше так: ТВАРЬ. С уважением. Ибо страшно, когда на тебя ползёт скорпион-мутант, единственная цель которого: наводить порядок. Это не пустые слова: скорпион таки настоящий, пойманный на дне Семипалатинского каньона и вымахавший до запредельных размеров. Только уж очень модифицированный, неузнаваемо изменённый под нужды цивилизации. Сегментные лапки – единым блоком с траками на парных катках, панцирь в нашлёпках бронеплит.

Если бы инфопланты монтировали в предплечья, если бы!.. Потеря руки не так важна. Да, больно, зато никаких проблем с передвижением. Дервиш, расковыряв Акиму голень, обработал

рану некачественно, лишь бы как. Кровью двадцать восьмой не истечёт, смазка гидроусилителей в минус – перетерпим. Но если вовремя не устранить повреждения, можно загнуться от сепсиса.

Две клешни – два виброножа – методично ёрзают по пластику: шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс… – ритм замедленной съёмки. Оч-чень быстрый ритм для Акима.

Чмоканье присосок. На лобовой броне – наклейка-транслятор с бегущей строкой новостей.

Кто в здравом уме рискнёт гулять в Пересменку, глазея на последние сводки, которые и так можно выудить из ньюс-рассылки?!

Алые угловатые буковки завораживали.

"Шелководы Харьковского Сектора готовятся к сезону откормки шелкопряда. В грядущем полугодье специалисты обещают вырастить полмиллиона коробок грены". Это надо знать. Шелководы – это серьёзно. "В Московском Секторе стартовал 205-ый традиционный турнир по боевым нардам на приз Хукумата, посвященный памяти Мухаммад ат-Термези. В соревнованиях участвуют воины-аналитики семи весовых категорий…" Двадцать восьмой дернулся и пополз.

Бежать! Иначе…

Аким полз, полз, полз… – куда, зачем?! – какая разница, если сзади…

Шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс!

И чмоканье присосок.

Хозяйство рембригад поблизости, в стенах из коралла и песчаника бездельничают людишки, властные над сотнями скорпионов. И что?! Разве кто-то пошевелит пальцем?!

Тяжелое дыхание – хрипом из гортани.

И – шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс!

Нога, чтоб её, и… – показалось? – нет! Салатовый хиджаб с золотой вышивкой!

Малика не теряла времени зря: работала, у-единившись за сетчатым ограждением лаборатории. От виска к терминалу вился полупрозрачный шлейф.

Такой же рабицей огораживают площадки для файтинга. Только здесь нет антигравных щитов, опутанных колючей проволокой, а трёхочковую линию не запирают ниппельным полем. Умилительная дверца: щеколда и замочек, подвешенный к ржавой ручке. Пластиковая табличка – "Только для крыс". Смешно. Будто крысы умеют читать.

Бежать – ползти! – дальше некуда. Это последнее пристанище.

За ограждением суетилась Малика: поливала брикеты пузырящейся дрянью. Мерзкие серо-фиолетово-красные и жёлто-коричнево-оранжевые уродцы, хвостатые и облезлые, длиннорылые и короткошерстные вертелись под ногами жены, по очереди атакуя кормушку.

Шкрым-сс, шшшкрым-сс, шкрым-сс!!

Уборщик преследовал двадцать восьмого, "мечтая" очистить территорию от мусора. Поднятый клешнями ветерок холодил разгорячённое лицо. Алые блики в светофильтрах: "Принятым вчера указом "О внесении дополнений в Административный Кодекс" ужесточены меры наказания за использование вирт-терминалов при управлении транспортными средствами. В первую очередь за создание аварийных ситуаций при вирт-сексе".

Ох уж эта бегущая строка! – К-28 не сразу заметил на горбу скорпиона проклятого дервиша, его скуластого сообщника и невменяемую девицу с бубном.

Как они взобрались на уборщика?!

Ассенизатор не прогулочный лайнер, не рикша, не мобиль повышенной комфортности! И… скорпион не оказал сопротивления, даже позволил взобраться на скользкий – в потеках масла – панцирь. Нереально!

Пара срединных и четыре пары боковых глаз изучали Акима, отслеживая любое движение. Скорпион подобрался так близко, что двадцать восьмой слышал натужное дыхание и хрипы в лёгочных мешках, ощущал смрад пара, стравливаемого отверстиями в головогруди.

На спине уборщика веселилась троица.

О, позор на седины почтенных управителей! О, падение нравов! Акиму неприятен сам вид грязного девичьего лица, обнажённых голеней и предплечий. Да что мордашка, коль разрешён доступ к телу! Зарывшись с головой в ПВХ-рубище, скуластый урчал, целуя и покусывая живот девушки: колтуны щекотали рельеф мышц. Бесстыдница хохотала, истязая бубном округлые, в разводах машинного масла ягодицы. Дервиш, припадая на левую ногу, кружил на месте и пел, абсолютно не попадая в ритм бубна. Морщины на лбу складывались причудливым орнаментом.

Куцая растительность на подбородках. Чёрные круги под глазами. Тощие тела.

Судьи и палачи.

Аким обернулся: жена не обращала внимания на уборщика – стоит ли тратить время на всякие глупости? Не видела она и странную троицу. Акима тоже не замечала.

Двадцать восьмой приподнялся на локтях – накладки экзо трансформировались, уменьшая давление на суставы. От вида инфоплантов, нанизанных на оптоволокно, беглеца передёрнуло. Аким прокашлялся и заорал:

– Что я вам сделал?!

Скуластый оторвался от живота. Дервиш прекратил заунывные песнопения и, ковырнув ногтём в зубах, ответил:

– Ты?! Ничего. Это мы. Мы сделаем из тебя человека! Мы!!

– Но я!..

– Ты жалкая слизь у наших ног!

– Я лучше знаю, что такое человек! Я – учитель! Ты! Да, ты! Ты же был на лекции! Не дожидаясь ответа, двадцать восьмой забубнил: – Классическая социологии использует понятие индивидуальности для описания индивидуализации как процесса и результата совмещения индивидуальных требований, ценностных императивов и нормативных предписаний, социальных ожиданий определенных действий, необходимых для выполнения социальных ролей, со спецификой стилевых особенностей деятельности, общения, поведения и мышления конкретных индивидов… А вы! Вы все попадёте в джаханнам!!

Горло свело судорогой, Аким замолчал, широко разевая рот.

Троица расхохоталась.

Скорпион изогнулся, примериваясь, как бы точней зафиксировать мусор последним членником брюшка, полуметровым жалом с зеленоватым гелем для разжижения твёрдых отходов.

"Только для крыс". Посторонним вход воспрещён – уборщик не сунется за ограждение. Хотя… взял же на борт туристов… Но! – надежда есть. Для крыс? Что ж, Акима не смущают подобные ограничения.

Крыса?! Всё лучше, чем активная биомасса. И лучше, чем неактивная. Вперёд!

Аким на четвереньках рванул к ограждению, умудрился встать на ноги и…

Скорпион развернулся. Удар!

Милостью Творца двадцать восьмой избежал смерти: коленный сустав не выдержал напряжения; хрустнув, нога сложилась, Аким упал, хватаясь за щеколду, не удержался – и вот он на пластике. Стон и слёзы. Прокушенная губа.

Жало на мгновение коснулось сетчатой дверцы. Металл зашипел, полыхнув алым. Запахло гарью. Скорпион дёрнулся и отпрянул. Визг сервоприводов заглушил хохот троицы.

Аким медленно активировал светофильтры: он уже в раю? и

гурии ублажают взор похотливыми танцами?..

К сожалению, нет.

Или к счастью?

Уборщик, повинуясь программе, откатился назад. Троица очень экспрессивно – м-мать его расфак, кузнечика-мутанта за лапу! – выказывала недовольство: дервиш визжал, брызгая слюной, девица топала ножкой и корчила рожи, скуластый зло щурился.

Малика, пристёгнутая нейрошунтом к терминалу, с удивлением поглядывала то на скорпиона, то на дыру в ограждении.

Аким вполз на запретную территорию. Схватив первого попавшегося крысюка – тот не проявил ни малейших признаков почтения или страха, – внимательно обследовал тельце и содрал с лапки информационную наклейку, жалкое подобие инфопланта.

Прилепил на руку.

Над ним тут же высветилась голограмма с сообщением о травме. Малика засуетилась, запричитала:

– Мой ты хорошенький… Больно, да?

Узнала? Конечно! Не могла не узнать!

– Больно, да, Сенечка? Лапка болит? Что с лапкой? Скажи маме, что с лапулечкой? – сюсюкала Малика.

Не подсказало сердечко, сериальное мыло не оправдало надежд. Информационная наклейка присвоила двадцать восьмому метку – "млекопитающее, грызун, крыса по кличке Сеня". Отныне Аким – большой и… оч-чень нестандартный крысюк. Уродец, мгновенно вымахавший до неприличных размеров.

– Сейчас, Сенечка… Не переживай, маленький, лапка как новая будет. Ты, Сеня… Странно…

Малику трясло, платок сполз на затылок. Во время её – Малики! – дежурства пострадала зверушка. Непорядок!

– Ты…

Аким усмехнулся: Малика явно не знала, что делать. Ровно секунду не знала.

– Сенечка, ты – такой забавный… экземпляр!

Скорпион учмокал траками, но скуластый, девица и безумец неспешно танцевали к ограждению. Дервиш – у Акима отличное зрение – подмигнул и, дёргая щекой, проорал:

– Мы сделаем из тебя человека! Человек – это свобода!

Дервиш.

Скуластый.

Девица.

Ритм бубна, изгибы тел, брызги слюны.

Малика скороговоркой прочла мантру спас-службы, терминал тут же перенаправил вызов. На дежурном посту активировался эвамобиль: доли секунды на анализ запроса и расчёт оптимального курса, тест системы и… – вперёд! Мобиль сорвался с места, полтораста в час, двести, триста! Визг покрышек-лапок, хлопки тормозных крылышек-парашютов – эвакуатор едва не раскатал преступную троицу. Готов принять пострадавших и отвезти кого надо и куда прикажут.

Надо: большущая крыса и Малика.

Куда: закрытый медкомплекс "Грей Вёлда".

Парочка санитаров – металл и силикон – выпрыгнула из сороконожки, модернизированной, как и скорпион-уборщик. Санитары услужливо склонились перед распахнутой диафрагмой пассажирского отсека; в лицо пахнуло лекарственным смрадом.

– Добро пожаловать! Спас-служба рада приветствовать уважаемых клиентов! Мы безмерно благодарны за вызов и готовность в двухнедельный срок оплатить услуги. Напоминаем: для постоянных клиентов разработана гибкая система скидок. Широкий ассортимент…

Рефлекторно определив голоса дроидов в спам-саунд, Аким позволил окунуть себя в гелевый кокон. Приятное поглаживание щупалец осьминогов-модификатов, настроенных на расслабляющий массаж. Аким и представить не мог, что о какой-то крысе будут так заботиться: Малика заказала обслуживание вип-класса. Небось, для мужа не расстаралась бы. Для мужа – попроще чего. А для забавного экземпляра… м-да…

Вскрытие покажет, кто и насколько забавный! Аким уже предвкушал изумление яйцеголовых, консилиумы, статьи в журналах и бесконечные дискуссии о жёстком контроле диких мутаций. Забавный экземпляр – не просто крысюк, это живая сенсация, это о-го-го с повреждённой лапкой!

Однако быть крысой не в планах двадцать восьмого.

Мобиль выскочил на сорок первый уровень, промчался мимо полицейской франшизы, медицинского комплекса и октаэдра ремонтников. Акиму было хорошо: он вычленил симптом асоциального поведения дервишей и обнаружил причину отклонения. Секрет прост: удали инфоплант – и ты вне общества. Исчез. Не существуешь. Изгои… делают это без хирургического вмешательства? Песни и молитвы помогают?

Или скальпели из акульих резцов?

Без инфопланта ты – мусор, интересный лишь уборщикам. Тебя утилизируют быстро и без вопросов. Но внезаконники научились подчинять ассенизаторов!.. И, видимо, не только их.

Свободны?..

Цепкие захваты-манипуляторы безжалостно вырвали из кокона. Двадцать восьмой слабо дёрнулся: не хочу, верните обратно…

Поскрипывание тележки.

Белый потолок, белые стены.

Дезинфекция, возведённая в абсолют.

Столы, столики, табуреты, лежаки, стекло, органика. Органика – это инструменты: скальпели-богомолы и стетоскопы-палочники, капельницы-гусеницы и пинцеты-кузнечики.

Вжикнула бритва, счищая с головы грязные от пыли и пота кудряшки. Обрить крысёнышу шёрстку, вкатить обезболивающее, шмякнуть датчик на затылок.

Захваты регенератора на голени. Мягкая пучина релаксирующего геля. Погружение, продуть балласт. Кожу приятно покалывает.

Полчаса умиротворения.

Ничто не вечно – цельность стен прокушена дырой: лепестки диафрагмы спрятались в пазы, в комнату вошли и остановились у операционной раковины те же трое безумцев. Как нашли? Как пробрались?!

– Я крыса. Зачем я вам?! – прошептал Аким, не разжимая губ.

Молчание в ответ.

Ухмылки.

Малика приняла возмущённое шипение на свой счёт.

– Потерпи, маленький. Я сейчас. Я быстро, – и растворилась в проёме.

Аким и внезаконники.

Один и трое.

Малика не видела незваных гостей, Аким – запросто, даже сквозь толщу геля. У крысы больше прав на реальность?!

Жена вернулась, как и обещала, очень скоро. И не одна, а с коллегой, молодым и привлекательным. Всё бы ничего: ну, мужчина, ну, весь из себя искуситель-инкуб, и что? Если бы не одно но.

Красавец – два метра роста, столько же в плечах, голубые радужки, завивка, выслушав бурные объяснения о любопытном экземпляре, прижал Малику к груди. Резко – умело! – стянул хиджаб и…

Малика не сопротивлялась, не кричала.

Не пыталась вырваться.

Она… …наслаждалась.

Стыковка разъёмов, возвратно-поступательные движения,

система "вал-отверстие". Плеск гормонов. Грохот водопада семенной жидкости.

Просто адюльтер?

Или размножение?!

– Эй ты, в ногу раненый! Чего молчишь? Тебе ж рога наставляют?!

– Прелюбодеи! Молодцы какие! Мне нравится этот самец! Давайте его к нам, а этого, никакого, оставим. Он некрасивый.

– Ну и как оно – быть тварью бессловесной?!

Игнорируя подначки, Аким не спешил разорвать объятия инкуба и супруги. Тише, малыш, волнение излишне. Охи и ахи в спам-саунд, напрочь! Чтоб не отвлекали от главного – показаний регенератора. Как только полоса позеленеет…

Аким – крыса: лапки, хвостик, плохой запах из пасти. Крысы не умеют ревновать.

Чуть.

Чуть.

Ждать.

Все звуки – в спам-саунд. Вообще все, и… …полоса дозрела!

Это значит: процесс регенерации завершён.

Это значит: нога в порядке.

Пора.

Аким высвободил голень из захватов регенератора: как новенькая. Резко, насколько позволяла упругая среда – брезгливо! – отлепил инфонаклейку. Троица возрадовалась. И напрасно. Крыса сыграла не главную, но отнюдь не второстепенную роль. Хватит.

Не выныривая из омута операционного стола, Аким открыл подрёберную полость и активировал запаску, нестандартный инфоплант. Прикусив губу, позволил Хозяину Сущего чуть-чуть войти. Это не ТО, это… иначе.

И на время стал Богом, Третьим Искином.

– Координаты? – спросил себя. И сам же ответил.

Аким был Им, голосом Его, вибрировал Его интонациями, был дыханием, словом и делом. Для того чтобы разговаривать с Богом, необязательно открывать рот.

Бог-Аким решил: первое – немедленное включение в общество. Второе – в дальнейшем для выявления асоциальных элементов имитировать отключение инфопланта.

Молчаливое согласие Бога-Искина.

А потом стало темно. Очень. Темнее не бывает. Так начинается дорога в джаханнам – с продолжительными остановками в каждом из семи огненных кругов. Но прежде

троицу проведут по мосту тонкому, как волос, и острому, как меч, – над пропастью небытия. Дервиш изо всех сил постарается не оступиться. И бесстыдная девица. И скуластый. Глупцы. Лучше уж сразу.

Во избежание.

Джаханнам – это больно. Но боль эта во благо.

Сильные руки выдернули из уютного геля; мрак сменился светом – для Акима. Не для троицы. Не для ошалевших любовников. Сильные руки, железные пальцы. Светофильтры, бронированные экзо, встроенные в конечности МФУ-игольники.

К-экзекуторы.

Восстановить слух, значит стереть папку спам-саунда.

– Где? – Не поднимая триплекса, прогудел толстяк с гравировкой "К-20".

– Сейчас. Метки готовы?

– Да.

Аким отключил инфоплант и увидел внезаконников. Они блуждали во мраке и кричали, чтоб им вернули зрение. Так действует на людей – кибо в том числе – моргалка, спецтехника учителей. Не в меру разговорчивых студентов очень успокаивает, оч-чень.

Взять три серебристых кругляша из поданного тубуса. Неровное дыхание, поджатые губы – неужели Аким волнуется? Осталась такая малость: сделать троицу видимой для всех.

Наклеить метки – не проблема, но воздаяние после всего, что случилось. Да, Аким?

Секунды – и метки врастут в кожу навсегда, вопьются наномаячками, фиксируя носителей. Чтобы извлечь микроскопическую дрянь, придётся очень постараться, куда серьёзней извернуться, чем просто вырезать инфоплант. Даже полная замена лимфы вряд ли избавит троицу от надзора.

Три серебристых кружка – на пояснице, на затылке и чуть выше пупка. Отсчёт пошёл.

Дервиш сотоварищи – в минус.

Быстро и эффективно.

– Салют настоящим людям! – Аким хохотнул, схватившись за бок: запаска не совсем корректно соединилась с ЦНС. – Вам придётся пройти курс социальной адаптации, разработанный лично мной. Методика "Джаханнам", слыхали?

Молчание в ответ. Презрение.

Метки контролируют тела внезаконников, голосовые связки в том числе. Разговаривать запрещено.

– Включите зрение. Всем! – потребовал Аким.

К-20 коснулся моргалки, и…

Да будет свет!

Теперь можно отреагировать на причитания жены, резво отпрянувшей от коллеги-инкуба.

– Аким, откуда?! А как же я?! И ты…

– Дома поговорим. Позже. Оденься. И товарищу помоги.

Работа? – пожалуйста. Право голоса при выборе меню? – запросто! Измена? – что ж, бывает, плоть слаба. Аким позволял жене то, что нормальный мужчина не разрешил бы никогда. Два месяца в браке. Чувство новизны не притупилось. "Аким, – страстно шептала Малика, ускоряя ритм, – ты хочешь продолжить род?!" Хочет ли Аким?

Честно? Нет. Кибо – существа, не склонные к размножению. Предназначение К-серии иное – учить людей быть людьми. И мало того – заставлять быть людьми. Иначе некоторые становятся чрезмерно буйными и шаловливыми. И тискают под партами студенток.

Человек = свобода? Ха! Человек есть дисциплина!

– Аким, мобиль у входа. Мой. Если хочешь.

– Спасибо.

Дисциплина… Однако следует признать: отсутствие инфопланта вызывает специфические ощущения. Есть в этом нечто эдакое, своеобразное… Втискиваясь в салон скарабея, Аким размышлял, позволит ли Хозяин Сущего продолжить эксперимент. Нападение дервишей было внезапным, но К-28 быстро сориентировался, подыграл. …Немного болели потревоженные рёбра – ворочался симбионт-запаска. А еще жутко хотелось раздобыть бубен.

И танцевать.

Просто танцевать.А.Ш. © bjorn2007